

Милюкова Александра Сергеевна

Обучающаяся 2 курса магистратуры

ФГБОУ ВО «Оренбургский

государственный университет»

Научный руководитель:

Филиппова Елена Олеговна

Доцент, кандидат педагогических наук

ФГБОУ ВО «Оренбургский

государственный университет»

ПРИЧИНЫ И УСЛОВИЯ, СПОСОБСТВУЮЩИЕ БЫТОВОМУ НАСИЛИЮ

Аннотация. В настоящей статье проводится комплексный анализ причин и условий, способствующих совершению преступлений в сфере семейно-бытовых отношений. Исследуется многоуровневая система детерминант, включающая социально-экономические, организационно-правовые, культурные, а также индивидуально-психологические и внутрисемейные факторы. Особое внимание уделяется проблеме латентности данного вида преступности, несовершенству правовых механизмов противодействия и роли виктимологических аспектов. Автор рассматривает феномен семейно-бытового насилия через призму отечественной криминологической доктрины, в том числе концепции криминофамилистики. В работе анализируются как недостатки национального законодательства и правоприменительной практики. Формулируются выводы о необходимости системного подхода к профилактике семейно-бытовой преступности, сочетающего правовые, социальные и экономические меры, направленные на укрепление института семьи и оздоровление нравственно-психологического климата в обществе.

Ключевые слова: семейно-бытовое насилие, детерминанты преступности, причины и условия преступности, криминология, виктимология, латентная преступность, криминофамилистика, профилактика преступлений, семейный конфликт.

Causes and conditions that contribute to domestic violence

Milyukova Alexandra Sergeevna

Scientific Supervisor:

Filippova Elena Olegovna

Abstract. This article provides a comprehensive analysis of the causes and conditions that contribute to the commission of crimes in the field of family and domestic relations. It examines a multi-level system of determinants, including socio-economic, organizational-legal, cultural, as well as individual-psychological and intra-family factors. Special attention is given to the problem of the latency of this type of crime, the imperfections of legal mechanisms for counteraction, and the role of victimological aspects. The author examines the phenomenon of family and domestic violence through the lens of the domestic criminological doctrine, including the concept of criminofamilistics. The paper analyzes the shortcomings of national legislation and law enforcement practices. It concludes that a systematic approach to the prevention of domestic violence is necessary, combining legal, social, and economic measures aimed at strengthening the family institution and improving the moral and psychological climate in society.

Keywords: domestic violence, determinants of crime, causes and conditions of crime, criminology, victimology, latent crime, criminofamily studies, crime prevention, and family conflict.

Проблема семейно-бытового насилия, несмотря на определенные тенденции к снижению официальных статистических показателей, сохраняет

свою исключительную актуальность для правовой науки и практики. Семья, выступая фундаментальной ячейкой общества и первичным институтом социализации личности, в то же время может становиться ареной для наиболее жестоких и латентных преступных посягательств. Общественная опасность данных деяний усугубляется их глубокими негативными последствиями, которые проявляются не только в причинении физического, психического и материального вреда непосредственным жертвам, но и в деформации личности подрастающего поколения, трансляции деструктивных моделей поведения, подрыве нравственных устоев общества.

Официальная статистика, демонстрирующая сокращение удельного веса преступлений в сфере семейно-бытовых отношений в общей структуре преступности (с 5,3% в 2016 г. до 1,6% к 2022 г.), не должна вводить в заблуждение относительно реальных масштабов явления [9]. Высочайший уровень латентности, обусловленный зависимым положением жертв (женщин, детей, пожилых людей), страхом, стыдом, экономической зависимостью и надеждой на исправление агрессора, является общепризнанным фактом. Зачастую обращения в правоохранительные органы происходят лишь в случаях реальной угрозы жизни, а впоследствии заявления нередко забираются, что не позволяет сформировать объективную картину и принять своевременные меры профилактического характера.

В отечественной криминологии прочно утвердился подход, рассматривающий преступность как результат сложного взаимодействия многообразных социальных явлений и процессов, выступающих в качестве ее причин и условий. Применительно к изучаемой проблематике особую эвристическую ценность представляет концепция криминофамилистики (семейной криминологии), основоположником которой является профессор Д. А. Шестаков. Данное научное направление акцентирует внимание на изучении криминогенных факторов, коренящихся непосредственно в семейной сфере, и обусловленного ими преступного поведения [13, 14].

Система детерминант семейно-бытовой преступности носит многоуровневый характер. Для удобства анализа представляется целесообразным сгруппировать их в несколько взаимосвязанных блоков, предложенных, в частности, Е. В. Михайловой [9, с. 196]: организационно-правовые, социально-экономические, внутрисемейные, медицинские и индивидуальные. Данная классификация позволяет структурировать анализ, переходя от общих социальных предпосылок к специфическим факторам, действующим на уровне конкретной семьи и личности.

На макроуровне семейно-бытовое насилие во многом является отражением общих социальных и экономических процессов, протекающих в обществе. Нестабильность экономической обстановки, высокий уровень социального неравенства, безработица или низкооплачиваемая занятость, проблемы с жильем создают перманентный фон психоэмоционального напряжения. Материальные трудности и неустроенность становятся катализатором семейных конфликтов, снижают порог терпимости и провоцируют агрессивные срывы. Исследования подтверждают прямую корреляцию между бедностью и уровнем домашнего насилия, поскольку низкий материальный достаток повышает уровень психологического стресса в семье [3, с. 156]. Семья, будучи важнейшим социальным институтом, не может не абсорбировать присущие обществу проблемы, преломляя в себе экономическую неустроенность и социальную тревожность.

К социальным детерминантам также следует отнести эрозию традиционных нравственных ценностей, кризис института брака, ослабление социальных связей и авторитета старших. Пропаганда гедонизма, индивидуализма и потребительского отношения к жизни, в том числе к межличностным отношениям, способствует формированию эгоистических установок, нетерпимости, нежеланию идти на компромисс и решать проблемы конструктивным путем.

Немаловажным фактором выступают и культурные противоречия. В условиях активных миграционных процессов и роста числа межнациональных

и межконфессиональных браков могут возникать конфликты, обусловленные различиями в традициях, нравах, взглядах на распределение семейных ролей, методы воспитания детей и отношение к старшему поколению. В ряде патриархальных культур насилие в отношении женщины может рассматриваться как допустимый способ «воспитания» или утверждения доминирующей позиции мужчины, что привносится в новую семейную среду и порождает неразрешимые противоречия.

Данная группа детерминант связана с недостатками в деятельности государственных институтов, призванных обеспечивать защиту прав граждан и осуществлять профилактику правонарушений.

Во-первых, это несовершенство законодательной базы. В юридическом сообществе не утихают дискуссии о необходимости принятия специального федерального закона «О профилактике семейно-бытового насилия». Сторонники данной меры указывают на рекомендации международных органов (в частности, ЕСПЧ по делу «Туникова и другие против России» [10]) и необходимость введения таких инструментов, как защитные предписания (охранные ордера). Однако, как справедливо отмечает Е. В. Михайлова, опыт зарубежных стран (США, Германия) демонстрирует, что наличие такого закона само по себе не является панацеей и порождает серьезные проблемы в правоприменении [9, с. 197]. В частности, упрощенные процедуры выдачи охранных ордеров на основании одних лишь заявлений истца нередко используются для мести, шантажа в имущественных спорах и приводят к нарушению конституционных прав обвиняемого (право на жилище, общение с детьми) без надлежащего судебного разбирательства [2]. Проблема заключается не столько в отсутствии специального закона, сколько в эффективности применения уже существующих норм уголовного, уголовно-процессуального и административного законодательства.

Во-вторых, к организационным детерминантам относится ненадлежащее реагирование правоохранительных органов на сигналы о семейном неблагополучии. Сложность доказывания по делам о побоях (ст.

6.1.1 КоАП РФ, ст. 116.1 УК РФ), необходимость наличия вступившего в силу постановления по административному делу для квалификации повторного деяния как преступления, а также принадлежность дел по ст. 116.1 УК РФ к категории частно-публичного обвинения создают серьезные процедурные барьеры. Жертвы, находясь под давлением агрессора и не желая для него уголовной ответственности, часто меняют показания или отказываются от заявления, что позволяет правонарушителю уйти от ответственности и создает у него чувство безнаказанности. Предложение о переводе состава ст. 116.1 УК РФ в категорию публичного обвинения, когда дело возбуждалось бы по факту получения данных из медицинского учреждения, заслуживает серьезного рассмотрения.

Следует говорить также об организационной культуре и системе мотивации сотрудников правоохранительных органов. Существующая система оценки эффективности работы правоохранителей, часто ориентированная на количественные показатели раскрываемости (так называемая «палочная система»), объективно демотивирует сотрудников заниматься сложными, латентными и труднодоказуемыми делами о бытовом насилии. Такие дела требуют больших временных затрат, глубокого погружения в семейный конфликт, работы с психологически травмированными жертвами и часто не приводят к «быстрому» результату в виде обвинительного приговора. Организационная инерция и профессиональное выгорание приводят к формальному подходу, стремлению к примирению сторон на месте без должной оценки рисков эскалации насилия.

В-третьих, ключевой организационной детерминантой, способствующей рецидиву насилия, традиционно являлась фактическая неработоспособность системы социальной реабилитации и ресоциализации лиц, освободившихся из мест лишения свободы. Статистика, согласно которой значительная часть бытовых преступлений совершается лицами, ранее судимыми, наглядно иллюстрирует этот провал. Вернувшись в семью, такие лица, не получив необходимой поддержки в адаптации, сталкиваются с

трудностями в трудоустройстве и восстановлении социальных связей, что провоцирует их возврат к усвоенным в криминальной среде моделям поведения, основанным на силовом подавлении.

Однако в настоящее время данный аспект претерпевает кардинальные изменения. Введение в действие с 1 января 2024 года Федерального закона «О пробации в Российской Федерации» формально устраняет указанный законодательный пробел. Закон предусматривает создание системы постпенитенциарной пробации, направленной на ресоциализацию, социальную адаптацию и реабилитацию освободившихся граждан. Тем не менее, организационная детерминанта смещается из плоскости законодательного вакуума в плоскость практической реализации. Теперь критическим фактором становится эффективность создаваемой системы: ее ресурсное обеспечение, качество межведомственного взаимодействия (служб занятости, социальных и медицинских учреждений) и реальная способность предложить действенные инструменты для коррекции поведения и интеграции в общество. Неудача в построении этой системы приведет к тому, что законодательная новелла останется декларацией, а высокий риск рецидива насилия со стороны ранее судимых лиц сохранится.

Одной из главных и наиболее мощных причин семейных конфликтов и насилия выступают алкоголизм и наркомания одного или обоих супругов. Нахождение в состоянии опьянения снимает внутренние запреты, обостряет агрессивность и приводит к немотивированным вспышкам ярости. Семья, где есть зависимый человек, практически всегда является конфликтной и дисфункциональной, что особенно пагубно сказывается на психике детей.

Важнейшую роль играют индивидуально-психологические особенности личности правонарушителя. Исследования показывают, что у лиц, совершивших насильственные преступления в семье, часто диагностируются различные психические аномалии, не исключаящие вменяемости: психопатии, олигофрения в степени дебильности, органические поражения ЦНС, остаточные явления черепно-мозговых травм [5, 6]. Эти расстройства не

являются прямой причиной преступления, но выступают условием, облегчающим его совершение, так как снижают способность к самоконтролю, эмпатии и адекватной оценке ситуации.

Особое значение имеет феномен «трансляции насилия». Лица, выросшие в неблагополучных семьях, где они сами подвергались насилию или были его свидетелями, с высокой долей вероятности воспроизводят эту модель поведения в собственных семьях. Для них насилие является привычным и даже нормальным способом разрешения конфликтов. Как отмечают Ю. М. Антонян и Е. М. Тимошина, совершаемые ими агрессивные действия могут субъективно восприниматься как постоянная защита от внешней угрозы или как «возвращение ударов», полученных в детстве [1, с. 32].

Анализ виктимологического аспекта проблемы требует современного подхода, полностью исключая перекладывание ответственности на пострадавшую сторону. Вина за совершение насильственного преступления всегда и безусловно лежит на агрессоре. Однако для глубокого понимания механизма развития насильственных отношений и разработки эффективных мер помощи необходимо изучать факторы, которые удерживают жертву рядом с преступником. Речь идет не о так называемом «провокационном поведении», которое в реальности является лишь поводом, а не причиной для агрессии, а о сложных психологических феноменах. Ключевыми из них являются травматическая привязанность и созависимость – это не осознанный выбор, а защитные механизмы психики, сформированные в результате длительного психологического и физического насилия, манипуляций и газлайтинга.

Кроме того, кажущаяся пассивность жертвы и отказ от обращения за помощью часто обусловлены не «прощением», а комплексом объективных и практически непреодолимых барьеров. К ним относятся прямая экономическая зависимость, отсутствие собственного жилья, страх за свою жизнь и жизнь детей, который статистически оправдан, поскольку период ухода от агрессора является самым опасным. Намеренно созданная преступником социальная изоляция, отсутствие доступной и эффективной

системы государственной защиты (нехватка кризисных центров, недоверие к реакции правоохранительных органов) фактически замыкают жертву в кругу насилия. Таким образом, поведение пострадавшей стороны – это не «развязывание рук» агрессору, а зачастую единственно возможная стратегия выживания в условиях тотального контроля, страха и отсутствия реальных путей для спасения.

Проведенный анализ позволяет заключить, что семейно-бытовое насилие представляет собой сложное, многофакторное явление, детерминированное целым комплексом причин и условий, действующих на разных уровнях социальной организации. Ни один из рассмотренных факторов – будь то бедность, алкоголизм, законодательные пробелы или психологические аномалии – не может быть признан единственной и исчерпывающей причиной. Преступление в семье всегда является результатом синергетического взаимодействия внешних и внутренних, объективных и субъективных обстоятельств.

Эффективная профилактика семейно-бытовой преступности невозможна без системного и комплексного подхода. Она должна включать в себя:

1. Совершенствование правоприменительной практики в части оперативного и неотвратимого реагирования на каждый факт насилия, в том числе путем упрощения процедур привлечения к ответственности за превентивные составы и возможного изменения категории обвинения по ст. 116.1 УК РФ.

2. Развитие системы социальной помощи семьям, находящимся в трудной жизненной ситуации, включая психологическое консультирование, медиацию, помощь в решении жилищных и материальных проблем.

3. Создание действенных программ социальной реабилитации для лиц, освободившихся из мест лишения свободы, и программ коррекции агрессивного поведения для лиц, совершивших насилие в семье.

4. Укрепление института семьи и продвижение традиционных духовно-нравственных ценностей, таких как взаимное уважение, ответственность, приоритет духовного над материальным, что находит отражение в документах стратегического планирования (Концепция государственной семейной политики [12], Основы государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей [15]).

Только скоординированные усилия государства и общества, направленные на устранение всего комплекса криминогенных детерминант, способны привести к реальному снижению уровня насилия в наиболее уязвимой и значимой для каждого человека сфере – сфере семейных отношений.

Список использованных источников

1. Антонян Ю. М., Тимошина Е. М. Убийства в семье // Вестник Московского университета МВД России имени В. Я. Кикотя. 2022. № 1. С. 29-34.
2. Антонян Ю. М. Криминология: избранные лекции. М. : Логос, 2004. 448 с.
3. Золотухин С. Н. Криминальное насилие в сфере семейно-бытовых отношений : монография. Челябинск : Челябинский государственный университет, 2019. 215 с.
4. Горшков И. В., Зулкарнеев Р. М. Тяжкие преступления в семье. М. : ВНИИ МВД России, 1997. 64 с.
5. Меграбян А. А. Патология личности // Пограничная психиатрия : антология / под ред. Ю. А. Александровского. М. : РЛС, 2006. С. 278-290.
6. Шостакович Б. В. Расстройства личности (психопатии в судебно-психиатрической практике). М. : МИА, 2006. 328 с.
7. Ривман Д. В. Криминальная виктимология. СПб. : Питер, 2002. 304 с.
8. Криминология : учебник для вузов / под общ. ред. А. И. Долговой. 4-е изд., перераб. и доп. М. : Норма : ИНФРА-М, 2010. 1008 с.

9. Михайлова Е. В. Особенности причинного комплекса семейно-бытовой преступности в России // Научный вестник Омской академии МВД России. 2023. Т. 29, № 3(90). С. 195-201.

10. Туникова и другие против России : решение ЕСПЧ от 14 декабря 2021 г. по жалобе № 55974/16 и 3 других. URL: <https://european-court-help.ru> (дата обращения: 10.08.2025).

11. Состояние преступности в России за январь-декабрь 2022 г. // Официальный сайт МВД РФ. URL: <https://мвд.рф/reports/item/35396677/> (дата обращения: 10.08.2025).

12. Об утверждении Концепции государственной семейной политики в РФ на период до 2025 г. : распоряжение Правительства РФ от 25 августа 2014 г. № 1618-р // Собрание законодательства Российской Федерации. 2014. № 35. Ст. 4811.

13. Шестаков Д. А. Семейная криминология. Семья – конфликт – преступление. СПб. : Изд-во С.-Петербур. ун-та, 1996. 264 с.

14. Шестаков Д. А. Семейная криминология. Криминофамилистика. 2-е изд. СПб. : Юридический центр Пресс, 2003. 384 с.

15. Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей : указ Президента РФ от 9 ноября 2022 г. № 809. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

16. Crespo v. Crespo, 989 A.2d 827, 201 N.J. 207 (2009).